

Эмигрантскіе писатели на Д. В.

В послѣднихъ книгахъ “Современныхъ Записокъ” было помѣщено нѣсколько статей о бѣдственномъ положеніи эмигрантской литературы на Западѣ. Здѣсь, на Востокѣ, литература тоже очутилась в “бѣдственномъ положеніи”, но причины этому совершенно другія.

Если сравнить положеніе эмигрантскихъ писателей там и здѣсь, то мы прежде всего увидим, что здѣсь, на Востокѣ, нѣтъ того, что М. А. Алдановъ считаетъ главной причиной, отъ которой “тяжко страдаетъ эмигрантская литература”, — нѣтъ бѣдности. Вѣрнѣе бѣдность есть, но не в такой мѣрѣ, какъ на Западѣ. Никому изъ здѣшнихъ писателей не приходится заниматься тяжелымъ физическимъ трудомъ. Большинство занимается журналистикой, остальные, хотя и имѣютъ “второе ремесло”, но оно оставляетъ имъ и время, и возможность заниматься литературой. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то, что многіе издали по нѣскольку книгъ, — а это в здѣшнихъ условіяхъ значитъ, что они имѣли возможность заплатить издателю.

Говорилось также объ оторванности отъ родной почвы. Благодаря совершенно особымъ условіямъ жизни въ Маньчжуріи, эта оторванность здѣсь меньше чувствовалась. Харбинъ до самаго послѣдняго времени оставался русскимъ городомъ.

На Западѣ слышались жалобы на то, что “молодымъ не даютъ ходу”, что слишкомъ строга критика, — здѣсь этого препятствія совершенно не существуетъ, такъ какъ “молодые” предоставлены самимъ себѣ.

И, наконецъ, послѣдняя причина бѣдственнаго положенія эмигрантской литературы: “нѣтъ издателей и нѣтъ издательствъ” — тоже отпадаетъ. Наоборотъ, здѣсь издательствъ

больше чѣм достаточно, и условія для изданія книг сравнительно легки.

Что же помѣшало развитію художественной литературы здѣсь?

Прежде всего, литературѣ на Дальнем Востока не повезло в том отношеніи, что всѣ “старшіе писатели” эмигрировали на Запад, в Европу, и та литературная жизнь, которая зародилась на Востока, была предоставлена самой себѣ. Здѣсь не оказалось никого из крупных писателей, кто бы мог так или иначе объединить молодежь, вліять на нее, руководить ею.

Не создано здѣсь и той литературной среды, которая воспитывает писателя, заставляет его работать над собой и отсѣивает безнадежно-безталантных. Такую среду, до известной степени, могли бы создать литературные кружки. Но тѣ нѣсколько “содружеств”, которыя существуют на Дальнем Востока, — “Чураевка” в Харбинѣ, “Попедѣльник” и “Шатер” в Шанхаѣ, — чисто механически объединяют поэтов и беллетристов, музыкантов и художников. В них ведется, правда, кое-какая работа, но, очевидно, если судить по результатам, недостаточная.

Плохо вліяет также полное отсутствіе критики. Обычно отзывы о книгах дают “хорошіе знакомые”: сегодня в одной газетѣ один пріятель похвалит другого, завтра — наоборот. Кромя пониженія требованій к самому себѣ у писателя, такая “пріятельская критика” приводит в концѣ концов к недоверію читателя ко всякой книгѣ, вышедшей на Востока и к любому отзыву, даже справедливому.

Литературная жизнь Запада и Россіи проходит, почти не оставляя здѣсь слѣда. Если “там” о чем то спорят, волнуются, часто ищут новых путей, то здѣсь почти никто не находит нужным за этим слѣдить, учиться работать над собой. Авторы всецѣло полагаются на свой жизненный опыт и талант, которыми большинство из них не обладает. Есть писатели, напечатавшіе три, четыре, пять книг, одинаково пехудожественных и часто неграмотных. Их имена неизвѣстны читателю не только на Западѣ, но и здѣсь, гдѣ они живут и лишут. И все-таки упорно и необъяснимо они продолжают писать и издавать книги.

Отсутствіе художественнаго вкуса и чувства, небрежность отношенія к своей работѣ и к своему читателю — вот отличительные признаки мѣстной литературы.

В этой небрежности, неотдѣланности, часто безграмотности выходящих на Востокъ книг, вина не только авторов, но и издателей, недостаточно внимательных к тому, что они издают. У здѣшних издателей нѣтъ критическаго подхода к книгам, которыя они печатают и на которых ставят свое имя: они напечатают любую книгу за сравнительно небольшую сумму и на очень льготных условіях. Такой “коммерческій” подход к литературѣ дает возможность печататься людям, которые при нормальных условіях никак не могли на это рассчитывать.

В результатѣ — за послѣдній год (вторую половину 1936 г. и начало 1937 года) на Дальнем Востокѣ было издано почти два десятка книг мѣстных авторов, не считая нѣскольких “европейских” авторов, изданных в Харбинѣ и в Тяньцзинѣ.

Такое количество книг, появившихся в теченіе одного года в эмигрантских условіях и вдали от культурных центров, — явленіе, мимо котораго нельзя пройти, даже если большинство из этих книг не отвѣчает требованіям художественной литературы.

Что же представляют собой эти книги? Рассмотрим нѣкоторыя из них.

М. ВИЗИ. Стихотворенія II. Книгоиздательство В. П. Камкин и Х. В. Попов, Шанхай. 1936 г.

Прежде всего надо отмѣтить, что книга М. Визи единственная книга стихов, вышедшая в рассматриваемый період. Визи пишет по-русски и по-англійски. Автор не новичок: первая книга ея стихов вышла в Харбинѣ в 1929 году.

Стихи Визи, однако, несамостоятельны. В них чувствуется влияние Блока, лирики Гумилева и больше всего — Ахматовой.

Это настоящіе “женскіе” стихи. Больше всего в них печальной любовной лирики:

От того, что слишком ты мнѣ нужен,
брошу якорь в золотое дно
самой тихой бухты, гдѣ жемчужни,
как любви в душѣ моей полно.

И еще:

Я все отдам, что мнѣ велят,
не дрогну перед высшей платой, —

за тѣнь, за звук шагов, за взгляд —
и буду всетаки богата.

М. Визи часто пользуется словарем, размѣром, образами Гумилева и Ахматовой. У нея есть такія строчки, как:

Я сдѣлана из пѣсен и огня.

Или:

Я стала рѣже повторять
твои любимые мотивы...
Здѣсь слишком тяжело никнут нвы
В пруда серебряную гладь.

Все же, если сравнить отчетную книгу с первой книгой стихов того же автора, нельзя не замѣтить, что поэтесса продѣлала большую работу: в первой книгѣ русскіе стихи казались переводом с англійскаго, а англійскіе — переводом с русскаго.

АРСЕНІЙ НЕСМЪЛОВ. Рассказы о войнѣ. Книгоиздательство В. П. Камкин и Х. В. Попов. Шанхай. 1936 г.

Арс. Несмѣлов один из немногих дальневосточных писателей, проявивших свою художественную индивидуальность. Он много работает и упорно идет вперед.

Книга его рассказов не только единственно-цѣнное из всего, что было напечатано на Дальнем Востока, но и единственная книга, которую можно, без сомнѣній, причислить к художественной литературѣ.

“Я чувствую нѣжность (иного выраженія не нахожу)”, — пишет Несмѣлов, — “к первым громокипящим годам войны, вдруг освободившим эпоху от необходимости думать, жить и поступать так, как думали, жили и поступали многіе ряды предыдущих поколѣній”.

Об этих “громокипящих годах” он написал двѣ книги стихов и вот теперь — книгу рассказов.

По собственному признанію, темы его родственны темам Ремарка и Шолохова; с послѣдним его сближает также то, что оба они находятся под вліяніем Л. Толстого.

Рассказы Несмѣлова не о войнѣ, а о тѣх мучительных переживаниях, которыя она принесла с собой и о совершенном перерожденіи и измѣненіи психики человека. “Я плюю из луж, послѣ похода потный, бросаюсь в воду, ругаюсь самыми скверными словами и иногда бью гранадеров. И это все от того, что я начинаю понимать, что жизнь моя и чужая вовсе не стоит того, чтобы ею

слѣдовало дорожить”, — пишет молодой офицер через нѣсколько недѣль послѣ прїѣзда на фронт.

Несмѣлов пишет о людях, настолько “оглушенных войной”, что порой ими терялась способность сознавать жестокость: в хладнокровной “охотѣ на человѣка” они видѣли спорт, совершенно забывая, что этот “спорт” — убійство. “Вѣдь мы же на войнѣ”.

Но есть и другое: “все стало понятно и просто, как никогда прежде” — пишет прапорщик Мпольскій. И дальше: “Да, я чувствую как начинает расти моя душа”.

Как у всякаго подлиннаго художника, у Несмѣлова яркіе, рельефные образы, простой и правдивый язык. Он умѣет вѣрно подмѣчать детали и чутко понимает движеніи человѣческой души.

ВАЛЬ. Дорога к счастью. Изд. Слово. Шанхай. 1937 г.

В головном рассказѣ, именем котораго названа книга, Валь ставит вопрос, — имѣет ли человѣкъ нравственное право ускорить смерть обреченнаго и тѣм самым сохранить жизнь и счастье другого. Героиня рассказа рѣшает, что ей долг заключается в том, чтобы отравить умирающаго мужа и уйти к другому. Рассказ мало убѣдителен: вряд ли убійство выведет героиню на “дорогу к счастью”.

Лучшій рассказ сборника “Дебет Бориса Петровича” — о роли случая в жизни человѣка. Валь не раз возвращается к этой темѣ. “Неумолимый закон причинности управляет міром. Но порой странныя случайности заставляют налаженную жизнь человѣческую сойти с узаконенной колеи и мчаться на всѣх парах, по невѣрным проржавленным рельсам в непреложный тупик. Эти случайности, на первый взгляд, кажутся малыми, дикими и смѣшными. Грозны и жестоки онѣ под кажущейся ничемностью”, — пишет он в одном из своих рассказов.

У Вали есть художественное чутье, но не хватает работы над собой. Характерной чертой его рассказов является небрежность. Часто автор пользуется чужими давно примелькавшимися фразами. И это тѣм болѣе надо поставить Валу в вину, что у него есть свои яркіе образы и интересныя психологическія построения. Почти всѣ его рассказы мало обработаны и производят впечатлѣніе склесных наспѣх.

ПАВЕЛ СЪВЕРНЫЙ. Женщина у Полярных Звѣзд. Роман. Изд. Слово. Шанхай. 1936 г.

ЕГО ЖЕ. Тургеневская сказка. Изд. Слово. Шанхай. 1936 г.

В теченіе послѣдняго года П. Сѣверный напечатал двѣ названныя книги, переработал и переиздал свой роман из жизни Пушкина, вызвавшій в свое время немало пареканий, и пишет, что "готовится к печати" еще ряд книг. Как будто человек работает. Но это какой то "бѣг на мѣстѣ". Сѣверный ни на шаг не ушел от своих первых вещей, появившихся в печати лѣтъ десять тому назад. Все та же "вычурность" и "изысканность", которыя заблужают его с Сѣверяшиным и Вертинским. Его книги заполнены странными, большими образами и ненормальными положеніями. В них нѣтъ живых людей — это туманная фигура, которая движется, дѣйствует и говорит, как в плохом фильмѣ первых дней кинематографа.

Иногда у Сѣвернаго есть интересныя мысли. Так, в книгѣ "Женщина у полярных звѣзд" он говорит: "Романтика... Вот слово, которое нужно женщинамъ вмѣсто всѣх достижений современности. Подарите женщинамъ романтику жизни, и она своими чувствами вдохновит и научит вас разрѣзать земной шар пополам". Но с первых же страниц он так опошляет образы всѣх пяти "ищущих романтики" женщин, что просто хочется закрыть книгу с тѣм, чтобы никогда больше ея не открывать.

Вторая книга Сѣвернаго тоже очень примитивна и мало художественна. Непонятно почему она называется "Тургеневская сказка" и для чего притянут образ Тургенева. Борьба двух сестер, одна из которых нѣжна и слаба, а другая смѣла и не имѣет никаких нравственных устоев, не характерна ни для Россіи, ни для тургеневских героев. Она может имѣть мѣсто в любой странѣ и в любое время.

Е. СОЛОМБИН. Таинственное в обычном. Кн. I. Изд. Слово. Шанхай. 1936 г.

В предисловіи автор пишет: "Начало этой книги было мною написано не для печати ...по мѣрѣ накопленія записей, явилось уже желаніе подѣлиться всѣми этими мыслями и с болѣе широким кругом читателей". И дальше: "Запишу то, что вспомню. Для кого? Но что на это отвѣчать. Для кого? Зачѣм? Да не все ли равно. Просто

хочется вспомнить прошлое — и все тут”. Думается, что эти слова объясняют появление обѣих книг Соломбина и доброй половины книг других Д.-В. авторов.

“Таинственное в обычном” это ряд размышленій на самыя различныя темы. Нѣкоторым из них придана форма разсказов. Большею частью это разсужденія о религии и нравственности. Много мѣста отведено также тому “таинственному”, что встрѣчается в “обычном мѣрѣ”.

Соломбин много вниманія удѣляет гипнотизму, магнетизму и явленіям с ними связанным, напоминая в этой части своей книги Кржановскую.

Вот еще одна послѣдняя цитата, чтобы показать незамысловатую философію и слог автора двух толстых книг: “Если мы старую икону вычистим, подпоявим, и она заблестит, как новая — это не чудо. Но если она обновится без нашей помощи — это вызовет нескончаемые споры: одни скажут, что это чудо, другіе с таким положеніем не согласятся, сочтут обманом и пр. и пр. А вѣдь тут дѣло то только в том, что мы не умѣем объяснить, не знаем еще, как все могло случиться: была темная загрязненная, старая с выцвѣтшими красками и, здрут, стала как новая! Не понимаем как это случилось! А как же случилось, что был маленькій невзрачный жодудь и стал громадным красивым дубом. Был маленькій плаксивый ребенок в люлькѣ и стал Ньютоном”!

В послѣднее время на Дальнем Востокѣ появился ряд книг полу-беллетристическаго, полу-дневниковаго характера. Тематами для этих книг служат воспоминанія о русском флотѣ, авіаціи, о германской и гражданской войнѣ.

Так как книги эти появились одна за другой в теченіи послѣдних полутора-двух лѣтъ, думается, что в появленіи их есть извѣстная зависимость. Книги этого типа едва ли можно причислить к художественной литературѣ. Лучшія из них могут имѣть извѣстное воспитательное значеніе для подрастающаго поколѣнія.

БОРИС УВАРОВ. В дебрях Монголіи. Роман. Изд. “Колокол”. Шанхай. 1936 г.

Книгу Б. Уварова скорѣе можно назвать военным дневником, чѣм романом, настолько подробно описывает он переходы, стоянки и стычки бѣлых войск с красными в Монголіи.

Роман дѣлится на три части. “I поход” и “II поход” — это скитанія бѣлыхъ войскъ по Монголіи и борьба за нее с большевиками. Любовная интрига притянута насильно, и с ней автор совершенно не справился.

“III поход” — это будущая борьба с большевиками, как ее себѣ представляет Б. Уваров. Эта часть книги написана под влияніем романов Краснова и имѣет с ними много общаго.

Это уже не первая книга Уварова. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышел его роман “Лихолѣтье”. Какъ в первой, так и во второй книгѣ встрѣчается немало грамматическихъ недѣлостей. Онъ пишетъ: “Во дворѣ происходил шумъ ломаемыхъ дверей”. “Хотя она и дрожала отъ страха грядущихъ ужасовъ, но чѣмъ дольше, тѣмъ чувства начинали больше притупляться, относясь безразличіе къ испытаніямъ”.

Зачѣмъ такія книги пишутся? Повидимому, автор хотѣлъ сохранить “Монгольскій” походъ для исторіи. Обращаясь къ рѣкѣ, на берегахъ которой долгое время былъ расположен лагерь бѣлыхъ, онъ говоритъ: “Прощай, Еулугун! Пусть исторія Россіи не забудетъ тебя, ибо по тебѣ кочевали сыны и дочери Руси Святой. Пусть историкъ хоть нѣсколько словъ посвятитъ тебѣ; ты, долины и горы твои слышали слова молитвъ святыхъ и пѣсенъ печальныхъ русскихъ изгнанниковъ. Уйдутъ поколѣнія, забудется все, лишь только верхушки тополей твоихъ шумомъ листьевъ будутъ перешептываться, вспоминая тѣхъ бѣлыхъ скитальцевъ, Богъ знаетъ какимъ чудомъ занесенныхъ на твои берега”.

Б. Я. ИЛЬВОВ. Ураган. Роман. Изд. Слово. Шанхай. 1937 г.
ЕГО ЖЕ. Смерч. Роман. Изд. Слово. Шанхай. 1937 г.

Оба романа Ильвова (одинъ является продолженіемъ другого) изъ временъ гражданской войны. Передъ нами проходитъ походъ генерала Корнилова, Москва первыхъ лѣтъ революціи, борьба на берегахъ Каспійскаго и Чернаго моря и борьба с “зелеными” в горахъ Крыма.

Герои романовъ Ильвова — два брата моряка, совершающіе рядъ подвиговъ, и невѣста одного изъ нихъ, сестра милосердія, тоже принимающая активное участіе в борьбѣ с красными.

В романѣ Ильвова “бѣлые” всегда герои, хотя порой и жестокіе. “Красные” — нетодяи и звѣри.

В началѣ прошлаго года Ильвов выпустил книгу разсказов из жизни русскаго флота. В пей было нѣсколько живых страниц, написанных с большой искренностью и любовью к флоту, которыя искупали до нѣкотороѣ степени многочисленныя техническія недочеты. В романах же всѣ эти недочеты ничѣм не оправданы. Фабула искусственна и растянута, и в текстѣ много стилистических и грамматических ошибок.

ЛЕЙТ. ЛЬДОВСКИЙ. (П. Ф. ЛЯПИДОВСКИЙ). Скиф.
Изд. Слово. Шанхай. 1937 г.

Настоящая книга является продолженіем и дополненіем двух первых книг Льдовскаго “Записки военного летчика” и “Голубой Фоккер”.

Льдовскій пишет маленькіе очерки о русской авіаціи времен германской и гражданской войны, с героизмѣ и благодарствѣ русских летчиков, о традиціях воздушнаго флота. Там, гдѣ в разсказах Льдовскаго только воспоминанія — они хороши. Там же, гдѣ автор особенно старается придать своим разсказам литературную форму — страницы его книги блѣдны.

Есть еще один вид литературы, очень распространенной на Дальнем Востоке. Это — подражаніе англійским авантюрно-детективным романам и плохим американским фильмам. Этот сорт литературы имѣет наибольшее количество читателей и покупателей.

В разсматриваемый період вышло нѣсколько книг этого типа: “Земля Тіан” барона Фон Грюнвальдус, “Иви” Г. Кочурова и др.

Дешевая экзотика Дальняго Востока служит благодарным фоном для литературы такого сорта.

Вот и всѣ наиболѣе характерныя книги, вышедшія в разсматриваемом году. Подробный разбор остальных не даст ничего новаго для характеристики работы эмигрантских писателей на Дальнем Востоке.